

На правах рукописи

Белоногов Юрий Геннадьевич

Белоногов

**Конфликт интересов внутри региональной элиты
в период перехода от политики реформ
к стратегии политической стабилизации**

**Специальность 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Пермь, 2006

Работа выполнена на кафедре государственного управления и истории
Пермского государственного технического университета

Научный руководитель:	доктор исторических наук, доцент Мохов Виктор Павлович
Официальные оппоненты:	доктор политических наук, профессор Магомедов Арбахан Курбанович кандидат политических наук, Борисова Надежда Владимировна
Ведущая организация:	Институт научной информации по общественным наукам РАН

Защита состоится «27» декабря 2006 г. в 13 часов на заседании Диссертационного совета К 212.189.04 при Пермском государственном университете по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный университет, ауд. 301н (корпус 8).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пермского государственного университета.

Автореферат разослан «25» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета,
кандидат исторических наук,
доцент

А.А. Борисов

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В начале XXI века возрос научный интерес к изучению переходных периодов развития российского общества, что связано с завершением в России сложной общесистемной трансформации. Важнейшим направлением в изучении переходных периодов признается анализ властных отношений, исследование содержания, форм, методов реализации власти, борьбы общественно-политических сил за ее обладание¹.

Осмысление трансформации системы властных отношений не возможно без изучения проблематики элиты как ключевого актора политического процесса в переходные периоды². Отнюдь не случайно важнейшим направлением исследований стало изучение состава элитных групп и тенденций его изменения, анализ функционирования элит и, в частности, практики внутリエлитных взаимодействий. Изучение внутリエлитных взаимодействий, по мнению исследователей, способствует осмыслению важных закономерностей политической трансформации в условиях переходного периода³. Одной из основных форм внутリエлитного взаимодействия являются внутリエлитные конфликты, анализ которых помогает понять направленность и содержание социально-политических процессов и служит методологией изучения переходных периодов⁴.

Как правило, внимание исследователей привлекают те переходные периоды, что связаны с исчезновением старой и формированием новой общественно-политической системы. Это объясняет повышенный интерес к изучению процессов «перестройки» и постсоветской России 1990-х гг., сопровождавшихся радикальным изменением политической системы.

Однако проводимый нынешним руководством страны политический курс, направленный на консолидацию власти и формирование новой модификации политического режима, актуализировал изучение несколько иных, внутрисистемных, переходов и роли элит в этом процессе. Между тем, открытый финал данного переходного периода неизбежно предопределяет остроту и излишнюю полемичность в политических оценках. Для научного анализа более значимую ценность представляют уже законченный переходный период с вполне сложившимися и очевидными результатами. Изучение именно такой идеально-типической ситуации, во многом дистанцированной от современной

¹ Красильников Д.Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917-1918 гг., 1985-1993): опыт сравнительного анализа. Пермь, 1998. С. 3.

² При этом в научной литературе констатируется пока еще слабая разработанность концептов трансформации элит и роли элит в процессах переходного периода. См.: Гельман В.Я., Тарусина И.Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Элитизм в России: «за» и «против». Сборник материалов Интернет – конференции, февраль – май 2002 г. Пермь: ПГТУ, 2002. С. 23.

³ См.: Гельман В.Я. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1996 гг.) // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 71-73.

⁴ См.: Афанасьев М.Н. Динамика конфликтов в правящих региональных группах // Власть. Общественно-политический журнал. 1997. № 9. С. 36.

политической конъюнктуры, позволяет получить значимые объективные выводы.

В последнее время исследователи все чаще обращаются к анализу исторических реалий как необходимому «case study» при изучении закономерностей становления и развития институтов, процессов мира политического⁵. Данный подход позволяет наполнить политологическую терминологию конкретикой, показать развитие понятий, в том числе таких важнейших для политической науки, как «политический режим», «политическая система», «конфликт интересов».

По нашему мнению, для анализа собственно внутрисистемных переходов идеально-типической ситуацией является период 1950-1960-х гг., когда внешним отражением идущей трансформации политико-властных отношений стала серия «бархатных революций» внутри элиты. Обращение к реалиям данного внутрисистемного переходного периода должно представлять для современной политической науки теоретический интерес по нескольким причинам. Во-первых, изучение внутризлитных конфликтов интересов в уже завершённый переходный период позволяет выявлять типологически общие тенденции поведения элитных групп в условиях внутрисистемных переходных периодов.

Во-вторых, постановка вопроса о внутризлитных конфликтах интересов в советском обществе расширяет проблематику современной политической конфликтологии и одновременно позволяет изучать механизмы эволюции советской общественно-политической системы.

В-третьих, данный внутрисистемный переходный период представляется нам одним из истоков формирования важной составляющей политического процесса России 1990-х гг. – феномена «регионального вызова»⁶. Регионализация элит и государства⁷, подразумевающая существенное повышение политического статуса и роли региональной элиты в системе властных отношений, в постсоветской России 1990-х гг. стала результатом долговременных тенденций,

⁵ См.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006; Афанасьев М.Н. Невыносимая слабость государства. М.: РОССПЭН, 2006; он же. Клептеллизм и российская государственность. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997; Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М.: РОССПЭН, 2006; Российская историческая политология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.

⁶ Афанасьев М.Н. Региональный вызов: правящие региональные группировки в российском политическом процессе // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: Материалы международного семинара / Московский общественный научный фонд. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999. С. 9.

⁷ Одним из первых процессы регионализации элит и государства описал А.К.Магомедов. См.: Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

определяемых ходом, темпами, спецификой процесса модернизации в СССР и России⁸.

Все это актуализирует дальнейшее изучение проблематики региональной советской элиты как одного из ключевых акторов трансформации политико-властных отношений в условиях переходного периода.

В качестве объекта исследования автор определяет региональную элиту как правящую группу, обладающую специфическими интересами и оказывающей влияние на процесс выработки и принятия государственных решений. Во внутриэлитном взаимодействии именно региональным элитам как самой многочисленной элитной группе, напрямую взаимодействующей с массами, отводится важная роль. Они выступают в качестве социально-политической основы всего элитного слоя, во многом предопределяя его общекорпоративные установки. Предметом исследования стал конфликт групповых интересов внутри региональной элиты как специфическая форма взаимоотношений властных групп во внутрисистемный переходный период.

В данной работе в качестве «case-study» выступает не территориальный, а исторический казус. Хронологические рамки исследования определяются 1960-ми годами как завершающим этапом внутрисистемного переходного периода. Его важной составляющей стал конфликт артикулированных интересов между властвующими группами советского общества.

Территориальные рамки исследования ограничиваются Пермской областью и Коми-Пермяцким автономным округом, ныне объединенными в один субъект Российской Федерации – Пермский край. Данный территориальный выбор объясняется, во-первых, возможностью анализа конфликта интересов в индустриально развитом регионе; во-вторых, однотипностью для советской региональной элиты общих проблем, породивших конфликт интересов, в переходный период.

Степень разработанности проблемы. Проблематика данного исследования является результирующей производной от таких направлений современных научных изысканий как изучение переходных периодов, региональная элитология и политическая конфликтология.

Проблематика конфликта групповых интересов в период внутрисистемного перехода начала разрабатываться впервые в западной советологии в связи с изучением трансформации советской системы в 1950-1960-е гг., когда стали обнаруживаться все более видимые признаки некоторой либерализации политического режима. Исследователи закономерно искали источники произошедших изменений и в деятельности наиболее влиятельных групп интересов.

Разработка данной проблематики во многом была инициирована научной дискуссией о сущности и пределах реформирования советской политической системы и связывалась с критикой теории тоталитаризма. Начиная с 1950-х го-

⁸ Между тем, ведущие специалисты весьма справедливо констатируют слабую изученность в современной российской политологии вопросов, связанных с формированием и функционированием властных групп на уровне регионов в советский период. См.: Персгудов С.П., Лапкина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и Российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 178.

дов, именно это направление научной мысли стало господствующим в западной советологии. Основатели «классической» теории «тоталитаризма» (З. Бжезинский и К. Фридрих) представляли властные структуры советского общества неким «монолитом», безраздельно управляемым партийно-государственной верхушкой во главе с высшим партийным лидером, не допускавшим никакой иной политической самостоятельности⁹.

Позднее, с целью преодоления все более заметных недостатков концепции тоталитаризма¹⁰ при объяснении существовавшей действительности многие ее зарубежные и отечественные последователи признавали наличие влиятельных групп интересов¹¹ и даже конфликта между ними¹². Но при этом некоторые из них продолжали считать, что даже констатация этого факта не противоречит родовым признакам «тоталитаризма»¹³.

Представления о советской властвующей элите как некоем «монолите» уже вызвали серьезные возражения у значительной части западных исследователей, которые при изучении реалий советской политики в указанный период обнаружили наличие в ней влиятельных групп интересов¹⁴.

Трансформация политической системы и серия «бархатных революций» внутри элиты считались закономерным результатом продолжавшегося конфликта в советском руководстве. Правда, среди исследователей – противников теории «тоталитаризма» существовали принципиальные разногласия по поводу характера и специфики деятельности групп интересов. Так, сторонники «плюралистической» модели (Г. Скиллинг, Дж. Хог) вполне справедливо утверждали, что в основе политического взаимодействия в СССР лежит «бюрократический конфликт». Но при этом исследователи отводили высшему партийно-государственному руководству роль своеобразного «арбитра», чьей функцией являлось лишь посредничество в конфликтах групповых интересов.

Данный вывод стал предметом серьезной критики представителей другого направления, считавших недопустимым отождествлять реалии советской и западной политических систем, в том числе, и в отношении функционирования

⁹ См.: Бжезинский З. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в XX веке. Нью-Йорк: Либерти, 1989.

¹⁰ Подробнее о критике взглядов сторонников концепции «тоталитаризма» см.: Орачева О.И. Эволюция советской политической системы 1953-1964 гг. в зарубежной историографии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пермь, 1993. С. 20-38.

¹¹ См.: Политология (проблемы теории) / Ответственный редактор В.А. Гуторов. Спб.: Издательство «Лань», 2000. С. 289.

¹² Современные отечественные специалисты по проблемам тоталитаризма констатируют, что уже на протяжении 1950-х годов наблюдался необратимый переход от «монолита» тоталитарной к авторитарной системе. По их мнению, советская политическая система «при Л.И. Брежнев» основывалась на балансе интересов разных групп правящего класса. См.: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 480-481.

¹³ См.: Kornai J. The Socialist System. The Political Economy of Communism. Princeton, 1992. P. 48.

¹⁴ См.: Hough J., Fainsod M. How the Soviet Union is governed. Cambridge, Mass. 1979.

групп интересов. Сторонники «корпоративистской» концепции (В. Брус, Дж. Эхолс) доказывали, что высшее руководство СССР продолжало играть исключительно важную роль в процессе выработки и принятия решений¹⁵.

К заслугам западной политической науки следует отнести не только разработку проблематики групп интересов внутри советской элиты, но и постановку важной проблемы по взаимосвязи интересов властвующих групп и социальных слоев советского общества в переходный период. Изменение стратегии внутриполитического курса в конце 1960-х годов не являлось лишь результатом желаний центральной власти, а опиралось и на вполне определенное общественное ожидание¹⁶.

Проблематика конфликта интересов внутри региональной элиты в историографии СССР «доперестроечного» периода являлась мало исследованной темой. Это объяснялось господствующими идеологическими установками на «сплочение рядов коммунистов», осуждением «фракционной деятельности», что не позволяло исследователям искать отличные от «генеральной линии» партии, отождествляемой с волей Центра, «групповые интересы» на региональном и местном уровне.

Проблематика конфликта интересов как движущей силы политических и экономических изменений фактически начала разрабатываться в отечественной науке в широком масштабе именно в переходный период «перестройки». Начал этому было положено дискуссией об альтернативах исторического развития в 1950-1960-е годы. При всей полемичности оценок некоторые участники этой дискуссии (Л.А. Опенкин) обратили внимание на существенные противоречия в рамках союзной элиты при выработке концепции стратегии общественного развития¹⁷.

В то же время в период «перестройки» начали появляться научные концепции, пытавшиеся создать определенную методологическую базу для объяснения процессов формирования и взаимодействия групп интересов во властвующей элите. Одной из наиболее успешных концепций стала теория «административно-бюрократического рынка». По мнению ее сторонников (В. Найшуль, Е.Т. Гайдар), в интересующий нас переходный период на смену «административно-командной системе» пришла принципиально иная модель экономических взаимоотношений — т.н. «экономика согласований», т.е. сложный «бюрократический рынок»¹⁸. Согласно данной концепции, трансформация экономических

¹⁵ См.: *Soviet Politics in the Brezhnev Era*. New York, 1980.

¹⁶ Cohen S.F. The friends and foes of Change. Reformism and Conservatism in Soviet Union // *Slavic Review*. 1979. № 2.

¹⁷ См.: Опенкин Л.А. Были ли повороты в развитии советского общества в 50-е и 60-е годы? // *Вопросы истории КПСС*. 1988. № 8. С. 52-65; Глотов В.И. О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 50-х — первой половине 80-х годов // *Вопросы истории КПСС*. 1988. № 4. С. 57-73; Зубкова Е.Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 гг. // *Вопросы истории КПСС*. 1988. № 4. С. 74-85.

¹⁸ См.: Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // *Погружение в трясину*. М.: Прогресс, 1991; Найшуль В. Либерализм и экономические реформы // *Мировая экономика и международные отношения*. 1992. № 8; Гайдар Е.Т. Государство и эволюция: Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. Спб.: Евразия, 1997.

отношений в систему «административно-бюрократического рынка» способствовала фактическому оформлению и артикуляции групповых интересов, которые оказывали существенное влияние на высшее партийно-государственное руководство в процессе выработки внутриполитического курса.

Важный вклад в исследование проблематики групп интересов в рамках советской политической системы внесла концепция «социалистического корпоративизма» С.П. Перегудова, базировавшаяся на положениях теории «административно-бюрократического рынка». По мнению С.П. Перегудова, главной особенностью советского политического пространства являлось взаимодействие групп интересов исключительно как бюрократических структур¹⁹. Согласование интересов являлось сутью этого неформального взаимодействия между представителями организованных интересов²⁰.

В историографии 1990 – 2000-х гг. проблематика конфликта интересов внутри правящей элиты продолжала разрабатываться. Правда, в большей степени этот подход использовался применительно к событиям 1953-1957 гг., т.е. периоду открытой политической борьбы претендентов за власть. Некоторые современные исследователи используют проблематику конфликта интересов при анализе периода 1945-1953 годов²¹.

Таким образом, научное изучение проблем происходившей политической трансформации неизбежно выводило исследователей на поиск источников изменений, усматривавшихся, в том числе, и в развернувшейся активности определенных групп интересов внутри властвующей элиты. При всем разнообразии точек зрения на положение, роль и взаимодействие групп интересов в условиях советской политической системы у большинства российских и западных исследователей не осталось сомнений в том, что такие группы существовали и имели исключительное значение в функционировании всего общественного организма²².

Однако проблематика конфликта интересов внутри властвующей элиты в переходный период имеет ряд существенных недостатков, среди которых, в частности, следует назвать персонификацию конфликта интересов, слабую изученность конфликта интересов на региональном уровне и др.

¹⁹ Подробнее см.: Перегудов С.П. Организованные интересы и Российское государство: смена парадигм // Политические исследования. 1994. № 2. С. 76-87; 1994. № 5. С. 64-74.

²⁰ Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М.: Наука, 2003. С. 37.

²¹ Подробнее см.: Левин М. Номенклатура – *Ascanum Imperii*: Технология управления против социологии управленцев // Куда идет Россия? Общее и особенное в современной России. М., 1997. С. 69-76; Рейман М. Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // Вопросы истории. 2003. №3. С. 24-40; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 гг. // Вопросы истории. 1995. №1. С. 23-39; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. №5. С. 39-57; Пихоя Р.Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945-1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. №6. С. 3-14.

²² Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и Российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 45; Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М.: Наука, 2003. С. 36.

Целью данной работы является анализ эволюции взаимоотношений групп интересов внутри региональной элиты в период внутрисистемного перехода от активного политического реформирования к стратегии политической стабилизации.

В соответствии с указанной целью работы в научном исследовании автором поставлены следующие задачи:

- 1) изучение структурирующих линий конфликтных разломов внутри региональной элиты;
- 2) анализ логики и динамики развития конфликта интересов между основными группами региональной элиты;
- 3) выявление общих закономерностей в стратегии поведения конфликтующих групп в переходный период при перераспределении политических ресурсов;
- 4) определение роли региональной элиты как специфической группы интересов в процессе изменения стратегии внутриполитического развития;
- 5) раскрытие значения конфликта групповых внутриэлитных интересов в переходные периоды общественного развития.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Теоретико-концептуальный уровень исследования включает в себя совокупность концепций, подходов и представлений о сущности, социальной базе, условиях возникновения и развития конфликта интересов в переходный период.

Фундаментом теории и методологии данного исследования послужили взгляды Р. Дарендорфа и Л. Козера²³. С их точки зрения, конфликты как непреходящий атрибут общества, в котором существуют отношения господства и подчинения, неизбежны и носят универсальный характер. Л. Козер в своих работах подробно обосновал позитивную роль конфликтного взаимодействия в жизни общества.

Для объяснения политической трансформации общества в период внутрисистемного перехода использовалась теория модернизации, которая стала инструментом при характеристике общих тенденций развития советского общества и его политических институтов во второй половине XX века (В.А. Красильщиков, А.Г. Вишневский, О.Л. Лейбович и др.). Представители данной концепции отмечают внутреннюю конфликтность процесса модернизации, согласно которой общество, проходя определенные этапы в своем развитии, вынуждено переживать кризис самоидентификации²⁴.

Проблематика субъекта конфликта интересов предполагает использование элитистского анализа политико-властных отношений, в рамках которых элита предстает как социальная группа, обладающая собственным политическим и социальным интересом, в целом отличающимся от интересов масс. Для

²³ См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142-147; Dahrendorf R. The Modern Social Conflict: An Essay on the Politics of Liberty. Berkeley: University of California Press, 1990; Coser L.A. The Function of Social Conflict. London: Free Press, 1956.

²⁴ См.: Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь: ЗУУНЦ, 1993. С. 7-8, 62; Политические исследования. 1995. № 6. С. 151.

анализа специфики конфликта интересов во властных структурах советского общества использовалась номенклатурная концепция элит, разрабатываемая в работах М.Н. Афанасьева, М.С. Восленского, О.В. Гаман-Голутвиной, Н.Ю. Лапиной, А.В. Дуки, Т.П. Коржихиной, В.П. Мохова, В.П. Пашина, А.В. Понеделькова, А.М. Старостина, Ю.П. Свириденко, Ю.Ю. Фигатнер.

Познанию специфики формирования групповых интересов и эволюции взаимоотношения конфликтных групп внутри элиты на стадии позднеиндустриальной модернизации способствует теория «административно-бюрократического рынка» (В. Найшуль, Е.Т. Гайдар, А.В. Шубин и др.)²⁵, которая наилучшим образом объясняет фактическую «легализацию» специфических интересов региональной элиты в целом и отдельных групп внутри нее.

Последний уровень методологии исследования включает в себя совокупность специально-политологических методов. В частности, в диссертации применялись методы сравнительно-политологического исследования, которые позволяют рассматривать конфликт интересов внутри элиты как отдельное историко-политическое явление, имеющее свою логику и динамику развития; проследить эволюцию взаимоотношений внутри элиты на всем протяжении переходного периода с выделением определенных хронологических этапов в его развитии.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- 1) в рамках авторитарного общества советского типа установлено существование артикулированного внутризлитного конфликта интересов, который являлся способом разрешения назревших противоречий в обществе;
- 2) показана специфика развития внутризлитных конфликтов на региональном уровне в авторитарном обществе советского типа;
- 3) выявлена и раскрыта взаимосвязь между внутризлитным конфликтом интересов и изменением стратегии внутривластного курса в переходный период как необходимая предпосылка для институционализации новой модификации политической системы;
- 4) определены типовые политические практики разрешения внутризлитных конфликтов на основе консолидации элиты и сдерживания массового политического участия;
- 5) проанализированы методологические аспекты проблемы формирования и функционирования региональных групп интересов в условиях реализации конфликта интересов в авторитарном обществе;
- 6) для анализа проблематики конфликта интересов внутри региональной элиты в период внутрисистемного перехода использован в качестве «case-study» конкретно-исторический эмпирический материал.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что содержащийся в ней анализ может быть использован в политологии для последующей разработки такого направления современной теории кон-

²⁵ Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991. С. 31; Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 105–116.

фликта как внутриэлитные конфликты интересов. В частности, важным направлением в дальнейшем изучении должен стать анализ содержания экономических и социальных интересов основных групп внутри региональной элиты, формальных и неформальных процедур по реализации их интересов. Конфликт интересов подразумевал столкновение социальных ресурсов основных групп в элите, которые отражали, пусть даже и в опосредованной форме, интересы определенных слоев населения. Конкретная детализация взаимосвязи групп интересов внутри элиты и их возможной социальной базы поможет прояснить вопрос о социальной основе изменений внутриполитического курса высшего руководства в период позднейиндустриальной модернизации.

Результаты исследования имеют значение для политологического изучения сущности и характера трансформации системы властных отношений во внутрисистемный переходный период.

Содержащийся в диссертационной работе эмпирический и аналитический материал может быть использован в преподавании курсов «Политология», «Конфликтология», «Теория организации» и др. для подготовки специалистов в сфере государственного и муниципального управления.

Источниковая база исследования представлена несколькими группами материалов. Основным источником диссертации стали документы органов политической администрации выбранного в качестве «case-study» хронологического периода. Автором было изучено более 500 дел в Государственном общественно-политическом архиве Пермском области (ГОПАПО).

К используемым источникам относятся нормативные документы (Устав и Программа партии, резолюция партийных пленумов и съездов); публичные выступления представителей высшего и регионального руководства (доклады и речи на съездах, пленумах, конференциях и активах партийных, советских и общественных организаций); делопроизводственные материалы центральных, региональных и местных партийных, государственных учреждений, общественных организаций; статистические материалы; материалы периодической печати.

Данные источники обладают определенной политической спецификой: в условиях фактического существования монополии партийно-государственных структур на информационные ресурсы многие материалы неизбежно несли ярко выраженную идеологическую направленность. Тем не менее, они позволяют четко идентифицировать внутриэлитные конфликтные группы по отношению к проводимому курсу.

Особым видом источников стали воспоминания и мемуары представителей советской властвующей элиты, где подробно раскрываются механизмы реализации формальных и неформальных политических практик конфликтных групп²⁶.

²⁶ См.: Хрущев Н.С. Воспоминания: Избранные фрагменты. М.: ВАГРИУС, 1997; Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2-х книгах. М.: Новости, 1995; Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М.: Республика, 1997; Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева: Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина. Мемуары. М.: АСПОЛ, 1996 и др.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В рамках авторитарного общества советского типа установлено существование артикулированного конфликта интересов, который, как правило, носит внутризлитный характер и является способом разрешения назревших противоречий в обществе. Субъектами данного политического конфликта выступают именно группы интересов, находящиеся на более высоком уровне внутризлитной организации, нежели клиенты. Постановка научной проблемы позволяет рассматривать конфликт интересов внутри элиты в качестве неотъемлемого признака внутрисистемного переходного периода.

2. Зарождение внутризлитного конфликта интересов, его развитие и разрешение является важным содержанием переходного периода от одной разновидности политической системы к другой. Внутризлитный конфликт интересов в условиях трансформации авторитарной советской общественно-политической системы не привел к появлению качественно иной (демократической) модели развития. Вышедшие победителями из внутризлитных баталий группы интересов являлись, в большей степени, защитниками и хранителями существовавших политических традиций.

3. Во внутрисистемный переходный период от политики реформ к стратегии политической стабилизации региональная элита в силу специфики своего положения проявляет себя как конфликтная группа в трех «системах координат». В условиях формирования нового политического пространства конфликт интересов структурируется, во-первых, по критерию обладания властью, во-вторых, по уровням власти, в-третьих, по «отраслевому» принципу. Для региональной элиты доминантой развития конфликта является защита внутризлитных интересов от стихийного воздействия масс.

4. Разрешение конфликта интересов во властвующей элите происходит путем выработки нового стратегического курса политического руководства страны, что находит свое выражение в институционализации политического режима в рамках политики «сдиржированного консенсуса». Данная модель внутризлитного взаимодействия подразумевает разрешение как элит-массовых, так и внутризлитных противоречий на основе достижения социально-политического баланса интересов.

Апробация результатов работы. Основные положения исследования были изложены в выступлениях на V и VIII Всероссийских научно-практических конференциях «Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в ВУЗе, техникуме, школе» (Пермь, 27 мая 2003 г., 25 апреля 2006 г.); VII Всероссийской научной конференции «Урал индустриальный. Бакунинские чтения» (Екатеринбург, Институт истории и археологии РАН, УГТУ-УПИ, 1-2 ноября 2005 г.); Всероссийских Интернет - конференциях «Пермская элита: становление, развитие, современное состояние» (Пермь, январь-март 2003 г.), «Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века» (Пермь, ноябрь 2003 - март 2004 гг.); межвузовской научной конференции «Историк и время», посвященной памяти профессора Ю.А. Черных (Пермь, 12 января 2006 г.). Теоретические положения диссертации были апробированы на

методологических семинарах кафедры государственного управления и истории ИГТУ.

Структура диссертации определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность избранной научной проблемы, показывается степень ее разработанности, определяются цель и задачи исследования, хронологические рамки, раскрывается методологическая основа исследования, анализируется научная новизна работы и ее научно-практическая значимость, характеризуется источниковая база, формулируются выносимые на защиту положения.

Первая глава «Конфликт интересов внутри региональной элиты в условиях внутрисистемного переходного периода: теория и методология исследования» посвящена базовым теоретическим положениям изучаемой научной проблемы, которая, по мнению автора, разбивается на две сюжетные линии. Каждой из них посвящен отдельный параграф данной главы.

В первом параграфе первой главы «Конфликт интересов внутри региональной элиты как исследовательская проблема» рассматривается проблематика конфликта интересов.

В данной работе понятие «конфликт» трактуется в наиболее приемлемой для большинства исследователей интеракционистской парадигме. В зависимости от специфики ее применения понятие «политический конфликт» как особая форма взаимодействия людей, социальных групп, общностей и институтов определяется через другие понятия («противоборство», «противоречие», «конкуренция») и их производные. Предметом данного вида конфликта являются специфические политические ресурсы. В качестве субъектов политического конфликта могут выступать и группы интересов.

В диссертации автор анализирует соотношение понятий «группы интересов», «группы давления», «лобби», «клиентела». «Широкое» толкование групп интересов позволяет определить их как объединения и организации, которые «сводят» граждан на основе определенных специфических целей или функций²⁷.

Формирование «группы интересов» предполагает осознание единства групповых интересов, уже выходящих за рамки персонифицированной лояльности какому-либо политическому лидеру. Как правило, такой переход становится возможным в период политической борьбы вокруг концепции реформ, когда наиболее отчетливо происходит «кристаллизация» групп интересов²⁸.

²⁷ Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов в Российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 27.

²⁸ Гаман-Голутвина О.В. Группы интересов: ретроспектива // Полития. 2000. № 4. С. 42-44.

В соответствии с предложенной Г. Алмондом и Д. Пауэллом типологией по степени специализации и организованности групп интересов, в данной работе раскрывается деятельность именно институциональных групп интересов.

Автор полагает, что для характеристики групп интересов в советском обществе не корректно применять критерии политического развития демократических стран Запада, в которых сформировались независимые от государства общественные структуры со своими методами влияния на власть. Исследование природы групповых интересов в России должно учитывать наличие иной политической традиции, производной, по справедливому мнению О.В. Гаман-Голутвиной, от мобилизационного типа осуществлявшегося на протяжении XVIII-XX вв. процесса модернизации²⁹.

Как считает ряд отечественных специалистов (С.П. Перегудов, Р.Г. Пихоя), главной особенностью советской политической традиции являлось взаимодействие групп интересов исключительно как бюрократических структур. В условиях фактического отсутствия негосударственных форм собственности, монополизации политического пространства единственной массовой партией, неразвитости институтов гражданского общества, группы интересов не были автономными и независимыми от власти. Поэтому единственно возможной в СССР формой реализации конфликта групповых интересов стало их столкновение именно внутри партийно-государственной элиты.

С методологической точки зрения, конфликт интересов внутри региональной элиты в изучаемый период качественно отличался от форм внутриэлитных взаимоотношений в период существования тоталитарного режима. Проходившая тогда борьба за власть предусматривала противоборство за влияние на единоличного лидера партии-государства внутриэлитных кланов, построенных по принципу клиентелы. В тот период роль региональных интересов сводилась к минимуму, поскольку центральная власть почти полностью подчиняла их себе. Во многом это объяснялось сложившейся системой экономических и, соответственно, политических отношений, в которой региональной элите была предназначена лишь функция транслятора и исполнителя диктуемой воли центральной элиты.

Применительно к изучаемому периоду следует говорить об активизации собственно групп интересов внутри элиты. Формирование региональных групп интересов связывается нами с постепенным освобождением местных руководителей от жесткой опеки центральной власти и усилением их политического влияния.

Основой внутриэлитных конфликтов во внутрисистемный переходный период является столкновение интересов в связи с перераспределением властных ресурсов в процессе институционализации новой разновидности советской политической системы. Передел властных ресурсов между элитой и массами, между различными иерархическими группами и ветвями элиты, в том числе и

²⁹ Гаман-Голутвина О.В. Российские политические элиты: факторы эволюции // Элитизм в России: «за» и «против». Сборник материалов Интернет – конференции, февраль – май 2002 г. Пермь: ПГТУ, 2002. С. 65-91.

на региональном уровне, может привести к изменению соотношения материальных и социальных ресурсов, находящихся в распоряжении различных групп общества.

По нашему мнению, к факторам, определившим причины и природу внутризлитных конфликтов, следует отнести начатые в переходный период два взаимозависимых процесса: постепенное формирование новой модели экономических отношений («административно-бюрократического рылика») и развернувшаяся между преемниками И.В. Сталина политическая борьба за власть. Они предопределили превращение региональной элиты и ее основных сегментов во влиятельные группы интересов.

Формирование «экономики согласований» способствовало слому сложившейся при административно-командной системе вертикали подчинения и директивных методов управления. Создаваясь под воздействием потребностей экономической практики, модель «административно-бюрократического рынка» фактически институционализировала специфические интересы региональной элиты (и основных групп внутри нее), одновременно усиливая ее политические позиции.

Начало превращению региональной элиты во влиятельную группу интересов положила и политическая борьба за власть. В данном контексте она интересна нам как столкновение ветвей властвующей элиты за приоритет своих корпоративных интересов в общественном развитии. Победивший в политических баталиях представитель именно партийной ветви властной «вертикали» был вынужден проводить мероприятия, способствовавшие, в том числе, и повышению номенклатурного статуса регионального политического руководства.

Важным фактором, повлиявшим на формирование конфликтных групп на региональном уровне, стали предпринятые по его инициативе политические преобразования, которые способствовали серьезным изменениям в системе властных отношений. Отношение к проводимому политическому курсу являлось главным критерием для структуризации конфликтного поля и выявления влиятельных групп интересов. Именно в кризисной для властных институтов ситуации, к которой следует отнести проведение политической реформы, могло проявляться столкновение интересов, связанное с изменением статусных позиций групп внутри региональной элиты.

В условиях внутрисистемного переходного периода региональная элита проявляла себя в качестве конфликтной группы, как правило, в трех «системах координат». Во-первых, реструктуризация экономического и политического пространства четко обозначила артикулированные противоречия по вертикали системы управления. В ходе реформаторского курса были затронуты коренные интересы групп на местном, региональном (областном и республиканском) и общесоюзном уровне властной иерархии, что не могло не отразиться на изменении выполняемых ими функциональных обязанностей в сложившемся «разделении труда».

Во-вторых, сама региональная элита в изучаемый переходный период не являлась однородной ни по своему составу, ни по своим интересам. В ее рамках выделялись группы интересов, влияние которых определялось ролью, которую

они играли в системе властных отношений, и значимостью своих артикулированных интересов для функционирования советской политической системы. В соответствии с функциональным подходом, в региональной элите автор выделяет группы, которые структурировали конфликтные разломы в изучаемый период. Это - политический (партийный), административный (советский), хозяйственный (индустриальный и аграрный) сегменты региональной элиты. Конфликт интересов между ними в процессе выработки социально-экономической и политической стратегии развития страны является главной особенностью данного внутрисистемного переходного периода.

Наконец, региональная элита проявила себя в период внутрисистемного перехода как группа со специфическими интересами, значительно отличающимися от интересов масс. В данном случае элита выступала как единое целое, осознававшее свой совокупный интерес на удержание власти и сохранение контроля над массами. Опасность расширения народной инициативы «снизу» способствовала консолидации интересов региональной элиты, выступившей в качестве базового «рубежа обороны» для защиты статусных позиций и привилегированного положения всей властвующей элиты.

Таким образом, становление региональной элиты как политически значимой группы интересов проявилось именно во внутриэлитных конфликтах переходного периода, в условиях столкновения интересов в связи с перераспределением властных ресурсов. Итоговым результатом данных конфликтов стала институционализация новой разновидности политической системы - модели «партийного государства».

Во втором параграфе первой главы «Теоретико-методологические подходы к анализу трансформации властных отношений в переходные периоды» рассматриваются современные концепции изучения структурных изменений политико-властных отношений в период институционализации новой общественно-политической системы, а также дается общая характеристика переходного периода от политики реформ к стратегии политической стабилизации.

В первом разделе данного параграфа «Основные теоретические подходы к анализу переходных периодов» автор рассматривает теорию демократического транзита, системный подход, теорию модернизации и элитистский подход каждая из которых, в свою очередь, включает в себя большой спектр разнообразных направлений исследований.

Теоретический анализ трансформации властных отношений в переходный период получил ощутимый импульс для своего развития в рамках транзитологического направления политологических исследований. Теоретическая и практическая значимость научных работ в рамках транзитологии особенно актуализировалась в условиях волны «глобальной демократизации»³⁰. В исследованиях Д. Растоу, С. Хантингтона, Ф. Шмиттера, Г. О'Доннелла были раскрыты основные стадии таких переходов; на материалах стран Восточной Европы и

³⁰ Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: ООО «Феникс-», 2001. С. 136.

Латинской Америки дан сравнительный анализ переходных процессов; предпринимались попытки создать идеально-типические конструкции трансформации властных отношений в период перехода. При этом многие исследователи при анализе переходных периодов обращают пристальное внимание на деятельность элит в процессах политической трансформации, констатируя их главенствующую роль и вторичную, «ведомую» роль масс³¹.

Определенный итог в изучении развития западной транзитологии и применения транзитологических концепций к анализу российской трансформации 1990-х гг. подвел В.Я. Гельман³².

Рассмотрение процесса политической трансформации в посткоммунистической России поставило под определенное сомнение концептуальные установки транзитологов. Большинство российских исследователей не рассматривает политический режим современной России как демократический. Наоборот, господствует представление о политическом режиме, объединяющем в себе отдельные (часто формальные) элементы демократии при фактическом преобладании черт авторитаризма. Более того, транзитологический подход в качестве средства анализа может быть применен лишь к такому типу переходных процессов как переход от авторитаризма к демократии.

Очевидные недостатки теории «демократического транзита» при изучении проблематики властных отношений в переходный период преодолеваются в рамках системного подхода. Его сторонники (Д.Г. Красильников, Н.Ф. Наумова, Г.Л. Куприяшин) в соответствии с сущностным критерием (состояние общественной системы) под переходным периодом понимают ситуацию, для которых обязательно характерна кардинальная смена одной общественно-политической системы другой. Именно такие межсистемные ситуации являются главным объектом исследований в рамках системного подхода, раскрывающего свой несомненный позитивный потенциал при анализе таких переходов.

В рамках данного общеметодологического подхода собственно внутрисистемные ситуации характеризуются доминированием элементов одной общественной системы и отчетливой динамикой в направлении сохранения ее целостности и завершенности. Этот процесс сопровождается воспроизводством дифференцированных элементов данной системы и уничтожением (или преобразованием) элементов, не соответствующих этому системному качеству³³. Однако при изучении таких переходов сама общественно-политическая система предстает несколько статичным образованием, поскольку вопрос о движущих силах и их деятельности отходит на второй план.

Рассмотрение внутрисистемного переходного периода в контексте трансформации политико-властных отношений и соответствующего изменения стра-

³¹ Там же. С. 152-153.

³² См.: Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оп-позиция. М.: Московский общественный научный фонд, 1999.

³³ Красильников Д.Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917-1918; 1985-1993): опыт сравнительного анализа. Пермь: Издательство ПГУ, 1998. С. 300.

тегии внутриполитического курса является приоритетной в рамках циклической модели теории модернизации. Подобная трактовка методологической проблемы при изучении переходного периода позволяет понять причины, движущие силы и последствия данного научного явления.

С точки зрения ее сторонников (В.И. Пантин, В.В. Лапкин, В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.С. Ахизер, О.Л. Лейбович), процессы российской политической модернизации можно представить в виде последовательных этапов, каждый из которых состоит из четырех чередующихся друг за другом фаз (реформы, переход к контрреформам, контрреформы и переход к реформам). Под «реформой» в данной концепции понимается «не просто изменение системы государственного управления, а по преимуществу либерализация политической и экономической жизни, на основе которой происходят дифференциация и усложнение политической системы как таковой»³⁴. «Контрреформы» предстают продолжением уже начатого цикла модернизации, но другими средствами. В рамках «контрреформ» осуществляются соответствующие данной политической традиции мероприятия по возрождению управляемости и стабилизации общества.

С точки зрения сторонников теории модернизации, главным результатом переходного периода является приобщение общества или какой-либо сферы общественной жизни к новым принципам функционирования, включение иных механизмов развития. В соответствии с данным тезисом под окончанием внутрисистемного «переходного периода» понимается достижение обществом состояния, при котором происходящие изменения не выводят его за рамки установившегося качества, но обеспечивают эффективное функционирование в новых условиях³⁵.

Для анализа внутрисистемного переходного периода важное значение имеет элитистский подход. С точки зрения некоторых его сторонников (А.В. Дука), элитам, возникающим при переходе от аграрного к индустриальному обществу как исторически определенной форме существования властных групп, отводится доминирующая роль в поддержании порядка в обществе в условиях его межсистемной трансформации. Концепция А.В. Дуки принципиально важна и для изучения внутрисистемных переходов, поскольку позволяет определить роль элиты в становлении политических и социальных порядков. Элиты выступают как организаторы общества, спасающие его от распада при резко изменяющихся внешних и внутренних условиях, и поэтому априори являются «институционализирующим институтом»³⁶.

³⁴ Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Политические исследования. 1998. № 2. С. 43

³⁵ Ванштейн Г.И. Главный критерий модернизации – смена парадигм развития общества // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар: Материалы. Москва: Фонд развития политического центразма, 2002. Вып. № 18-19. С. 69-74.

³⁶ Дука А.В. Властные элиты: социологический анализ // Элитизм в России: «за» и «против». Сборник материалов интернет-конференции, февраль – май 2002 г. / Под общей ред. Мохова В.П. Пермь: ПГТУ, 2002. С. 33-47.

Значимой для понимания проблематики внутриэлитного конфликта в условиях внутрисистемного перехода является концепция О.В. Гаман-Голутвиной, которая рассматривает развитие элит в связи с существованием двух типов развития – инновационного и мобилизационного. В зависимости от типа развития формируются специфические механизмы элитообразования. Развитие элит предстает как перманентная борьба «верховной власти» со своим главным инструментом модернизации – «политическим классом»³⁷.

С ее точки зрения, в условиях переходов с неизбежностью происходят конфликты между верховной властью и правящим слоем. В рамках внутрисистемных периодов происходит изменение отношений между ними, в ходе которого политический класс освобождается от ряда обязанностей перед верховной властью, приобретает в ходе политических переворотов дополнительные права, которые позволяют ему снизить свою социальную активность. В результате модернизационное развитие переходит в стадию социальной стагнации.

Наконец, для нашего исследования важна позиция Н.Ю. Лапиной, которая хронологически локализует зарождение и становление региональных элит³⁸.

Таким образом, в современной российской политологической литературе уже накоплен определенный теоретико-методологический инструментарий для анализа межсистемных и внутрисистемных трансформаций.

Во втором разделе второго параграфа «Общая характеристика переходного периода от политики реформ к стратегии политической стабилизации» аргументируется использование (в качестве «case-study») изучаемого хронологического периода для анализа внутрисистемного переходного периода.

Во-первых, на протяжении данного десятилетия фактически завершилась смена моделей экономического развития советского общества, выразившейся в переходе от «административно-командной» модели к модели «административно-бюрократического рынка».

Во-вторых, фундаментальные экономические изменения стали необходимой основой для определенной трансформации политико-властных отношений. Прежде всего, это отразилось в институционализации новой модификации советской политической системы – модели «партийного государства».

В-третьих, внутренняя трансформация советской политической системы сопровождалась, как полагает значительная часть исследователей, постепенной сменой политического режима, характеризующего взаимоотношения власти и масс. В изучаемый период завершился необратимый переход от тоталитарного к авторитарному политическому режиму.

Наконец, последним аспектом переходного периода является изменение стратегии внутривнутриполитического курса развития страны, что выражалось в переходе от активной реформистской деятельности к политической стабилизации. По мнению автора, именно изменение стратегии внутривнутриполитического курса

³⁷ Подробнее см.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М., 2006. С. 52-64.

³⁸ См.: Лапина Н.Ю. Региональные элиты России. М.: ИНИОН РАН, 1997.

становится ключевым фактором для осмысления указанных выше политических тенденций.

С этих позиций изучаемый в качестве «case-study» период является внутренне единым, имеющим свои качественные отличия от предшествующего и последующего этапов советской политической истории. По мнению автора, главной спецификой данного внутрисистемного переходного периода является конфликт интересов внутри региональной элиты.

Во второй главе «Развитие конфликта интересов внутри региональной элиты в период внутрисистемного перехода», состоящей из двух параграфов, на местном материале рассматривается логика и специфика развития конфликта интересов внутри региональной элиты в переходный период. По мнению автора, переходный период 1960-х гг. является типовым для анализа трансформаций внутрисистемных конфликтов в рамках внутрисистемного развития, на примере которого можно показать пределы и специфику конфликтности во внутрисистемных группах.

В первом параграфе «Формирование конфликтных отношений в условиях политической реформы» исследуется проблематика формирования конфликтных групп, рассматривается содержание их специфических интересов, раскрываются значимые факторы динамики конфликта интересов в условиях противодействия региональной элиты навязываемому «сверху» политическому курсу.

Важным свидетельством перехода конфликта из латентной стадии в стадию открытых действий стала реализация на рубеже 1950-1960-х гг. политической реформы, направленной на значительное ограничение влияния политической и административной ветвей элиты на региональном и местном уровне. Одновременно данная реформа являлась катализирующим фактором «кристаллизации» групп интересов внутри региональной элиты. Реализация основных направлений политической реформы структурировала конфликтное поле: идентифицировала состав участников, артикулировала их групповые позиции, выявила существенные противоречия в интересах конфликтных групп.

Формирование региональных групп интересов включало в себя осознание группой общности своих интересов, политическую идентификацию, мобилизацию имеющихся в ее распоряжении властных ресурсов. Формы и каналы артикуляции групповых интересов ограничивались возможностями, которые предоставляла номенклатурная организация советской властвующей элиты. Для этого часто использовались традиционные формы политического участия (партийные съезды и конференции, партийно-хозяйственные активы, сессии советов всех уровней и др.), где представители конфликтных групп высказывали свое мнение по проблематике политического курса.

Важной формой артикуляции интересов конфликтных групп в условиях политической реформы стала выработка предложений в ходе ограниченных временем публичных дискуссий по проектам директивных или общепартийных документов, когда допускалась относительная свобода высказываний. Жанром подобных дискуссий стали многочисленные предложения по «улучшению» и

«совершенствованию» отдельных мероприятий политической реформы, реализация которых привела бы к трансформации политической системы.

Главной формой артикуляции групповых интересов региональной элиты стало обособление политических и административных практик, шедших вразрез с существовавшими институциональными нормами, которые регулировали деятельность властных структур. Нарушение норм партийного Устава (особенно в отношении принципа систематической сменяемости кадров) являлось своеобразной формой давления на вышестоящие элитные группы с целью компроматации навязываемых «сверху» новаций.

Акторами артикуляции групповых интересов были, как правило, представители властвующей элиты регионального и местного уровня. Являясь главными организаторами групповых интересов, лидеры внутриэлитных групп лишь в крайних случаях выступали в роли единоличных выразителей данных интересов. Мнения представителей элиты передавались на более высокую ступень вертикали власти как альтернативные. Это позволяло региональным и местным руководителям информировать Центр об инициативах «с мест», но оставить за собой возможность политического маневра в случае отрицательного отношения к данным предложениям.

Формирование политического конфликта проходило по нескольким направлениям. Анализ показывает, что во внутрисистемный переходный период конфликт интересов формируется, во-первых, по вопросу об отношении к власти и степени допуска к власти внеэлитных слоев, во-вторых, по уровням власти, в третьих, по «отраслевым» группам региональной элиты.

Первое направление политического конфликта в указанный переходный период проходило по линии «элиты – массы». Властвующая элита выступала в данном случае как единое целое, поскольку осознавала свой совокупный интерес на удержание власти и сохранение контроля над массами. Навязываемые «сверху» мероприятия по демократизации властных институтов усилили институциональное напряжение во взаимоотношениях элиты и масс, угрожая политическому статусу и привилегированному положению слоев властвующей элиты.

Опасность расширения народной инициативы способствовала консолидации интересов основных групп региональной элиты, которые пресекали обсуждение представлявших угрозу своим властным позициям радикальных предложений. В качестве выразителя политических интересов региональной элиты была «выдвинута» партийная часть номенклатуры, имевшая право консолидированного мнения всей региональной элиты перед лицом союзной власти.

Та часть властной элиты, которая хотела опереться в своих преобразованиях на внеэлитные силы, оказалась слишком слаба и не получила ощутимой поддержки ни внутри элиты, ни в массах, тем более, что сторонники альтернативных позиций не могли и не хотели напрямую обращаться к массам за поддержкой.

Региональная элита стремилась свести элит-массовое взаимодействие к внутриэлитному, выдавая руководителей номенклатурных групп за представителей масс. Для региональной элиты было характерно неприятие участия масс в

выработке и принятии политических решений, поэтому на всех уровнях и во всех ветвях региональной власти были найдены конкретные средства по нейтрализации влияния масс на выработку политических решений.

Второе направление конфликтных противоречий обозначилось во взаимоотношениях центрального, регионального и местного уровней власти. Главной целью предпринятой политической реформы, с точки зрения группы Н.С. Хрущева, являлось ослабление влияния номенклатурной составляющей в региональной политической и административной элите. Данный политический интерес союзного Центра диктовался необходимостью придания большего динамизма деятельности властвующей элиты, для которой сложившиеся номенклатурные практики стали серьезным препятствием на пути повышения эффективности управленческой и политической деятельности.

Однако уже в начале реализации политической реформы представители региональной элиты открыто выражали недовольство проводимыми преобразованиями, которые затрагивали их коренные интересы.

Третье направление политического конфликта отмечалось во взаимоотношениях политической, административной и хозяйственной ветвями региональной элиты. Данная реформа спровоцировала борьбу за перераспределение между ними властных ресурсов (прежде всего, контроль над низовым аппаратом) и изменение своего статуса в системе политических отношений.

На основании вышеизложенного автор делает вывод о невозможности разрешения внутризлитного конфликта интересов в рамках проводимого высшим руководством страны политического курса.

Во втором параграфе «Разрешение внутризлитного конфликта интересов как фактор перехода к стратегии политической стабилизации» рассматриваются проблемы урегулирования конфликта интересов внутри элиты как необходимой предпосылки институционализации новой модификации политической системы. Данная стратегия разрешения конфликта интересов базировалась на сохранении элитой господствующих позиций путем отказа от продолжения реализации политической реформы.

По мнению автора, разрешение конфликта интересов соответствовало одному из описанных в политологии сценариев выхода из неопределенности в переходный период – сценарию «сообщество элит» (В.Я. Гельман). Данная идеально-типическая модель предполагает достижение политического компромисса при переделе сфер влияния между элитными группировками по «вертикали» и «горизонтали» власти; блокирование демократизации с целью сохранения статусных позиций и консолидации власти в условиях минимизации конкуренции.

Практика разрешения элит-массовых противоречий во внутрисистемный переходный период показывает, что региональная элита стремится стабилизировать и укрепить свои статусные позиции как особой социально-политической группы в рамках модели «управляемой демократии». Во-первых, данная модель предусматривает существенное замедление темпов циркуляции элиты, минимизацию каналов по оказанию влияния внеэлитных слоев на ее кадровый состав. Во-вторых, в условиях «управляемой демократии» происходит встраивание

общественной инициативы в структуру интересов элит, «канализация» выдвигаемых «снизу» радикальных требований при соблюдении видимости опоры на «мнение общественности». Одновременно в арсенале властвующих групп закрепляется минимальный набор обязательств элиты перед обществом, реализация которых обеспечивает необходимую поддержку новому внутривластному курсу руководства страны и со стороны масс.

Данные задачи были достигнуты, прежде всего, за счет одобренной союзным Центром целенаправленной политики региональной и местной элиты по снижению темпов сменяемости руководящего кадрового состава выборных органов власти, усиления административного контроля над ходом и результатами выборов, установления системы «политической фильтрации» для продвижения по служебной лестнице на значимые статусные позиции.

Не менее важным направлением выполнения указанных выше задач стало сворачивание форм общественного участия в работе аппарата власти. Многообразие форм общественных начал, выполнявших функции аппарата, в некоторых партийных и советских комитетах к концу переходного периода было сведено исключительно к деятельности постоянных комиссий, состоявших из членов актива. Сохранившиеся формы общественных начал выполняли отчетливо выраженную представительскую функцию, показывая тем самым культивировавшееся идеологической доктриной «единение власти и народа». Однако на практике общественные структуры были отстранены от реальных рычагов влияния на выработку элитой политического курса.

Контроль аппарата власти над общественной инициативой достигался за счет многовариантного административного влияния на кадровый состав общественных органов, в том числе, путем кооптирования штатных работников на руководящие должности, включением руководителей общественных структур в состав номенклатуры или даже штаты органов власти. Деятельность общественных начал в вопросах планирования работы, определения сфер компетенции, делегирования властных полномочий и проявления собственной инициативы была жестко ограничена со стороны аппарата власти.

Таким образом, мероприятия региональной элиты по кадровой стабилизации и сворачиванию общественных начал перекрывали важнейшие каналы демократизации властных институтов советского общества.

Разрешение конфликта интересов проходило и по линии «Центр – регион». Региональные элиты добились от Центра расширения сфер своей компетенции в регулировании политической жизни на местах, что увеличивало их возможность корректировать внутривластный курс элит Центра.

В данном параграфе показаны существовавшие механизмы воздействия региональных элит на высшее руководство страны (с целью отмены наиболее одиозных политических новаций), в том числе такие, как допущение массовых нарушений формальных практик деятельности.

Высшее политическое руководство страны было вынуждено пойти на уступки интересам региональных и местных элит. Идеологический тезис о «премущественности руководства» приобрел важное содержание: впервые в истории советской региональной элиты Центр фактически санкционировал практику

выдвижения на руководящие посты представителей «с мест», оставив за собой право контроля над первыми лицами региональной элиты и их замены в исключительных случаях. Таким образом, политический курс «стабильности кадров» являлся важнейшим завоеванием региональных и местных элит и стал гарантией от «кадрового произвола» Центра.

Расширение сфер компетенции региональной элиты в регулировании вопросов местной жизни проявилось и в практике сворачивания общественных начал в работе аппарата власти. Установка на сохранение форм общественных начал стало предметом бюрократического торга между центральными, региональными и местными политическими и административными элитами. Можно утверждать, что вышедшие в конце изучаемого периода постановления высших органов относительно форм, функций, властных полномочий общественных начал в работе административного аппарата основывались на сложившейся к тому времени практике на местах.

Создание штатных отделов означало перевод важнейших направлений работы под контроль аппарата. Это свидетельствовало о восстановлении в арсенале региональной элиты утраченных в начале развития конфликта политических ресурсов, необходимых для оказания влияния на выработку решений.

Наконец, важное направление разрешения конфликта интересов в данный переходный период отмечалось во взаимоотношениях политической, административной и хозяйственной ветвями региональной элиты. Необходимым основанием отчетливо выраженного компромисса интересов стало неприятие политического курса Н.С. Хрущева и радикальной демократической инициативы масс.

Исследователи отмечают формирование в указанный период своеобразного «общественного договора» между политико-административной и хозяйственной ветвями элиты. Одной из сторон данного компромисса интересов стало более четкое распределение функциональных обязанностей внутри региональной элиты при первенствующем значении ее партийной ветви.

Представители основных ветвей региональной элиты выражали заинтересованность в стабилизации своего кадрового состава как необходимой предпосылки эффективного функционирования. Артикулированный курс на стабилизацию кадрового состава свидетельствовал о появлении внутренней сплоченности как принципиально нового качества внутリエлитных связей. Стабильность политического статуса стала важнейшим завоеванием для всех групп интересов внутри региональной элиты. Данный союз являлся фундаментальной социально-политической основой новой модификации советской политической системы, сформировавшейся в период внутрисистемного перехода.

В Заключении подводятся итоги исследования, сформулированы основные выводы, определяются перспективы возможных дальнейших разработок в данном научном направлении.

III. ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Белоногов Ю.Г. Конфликт интересов в региональной элите в период внутрисистемного перехода: постановка исследовательской проблемы // Вопросы социально-гуманитарного знания. Приложение к журналу «Человек. Сообщество. Управление». Краснодар, 2006. (0,37 п.л.).
2. Белоногов Ю.Г. Советская властвующая элита и экономическая реформа А.Н. Косыгина: борьба за выбор стратегии // Пермская элита: становление, развитие, современное состояние: Материалы Интернет-конференции (январь-март 2003 г.). Пермь: ПГТУ, 2003. (0,75 п.л.).
3. Белоногов Ю.Г. Актуальные проблемы развития советского общества в 1960 – 1970-е гг. в контексте процесса модернизации // Ученые записки студентов и аспирантов Гуманитарного факультета. Пермь: ПГТУ, 2003. Вып. 9. (0,18 п.л.).
4. Белоногов Ю.Г. Причины сворачивания экономической реформы 1965 г.: основные подходы к изучению проблемы // Ученые записки студентов и аспирантов Гуманитарного факультета. Пермь: ПГТУ, 2003. Вып. 9. (0,25 п.л.).
5. Белоногов Ю.Г. Идея принудительной ротации кадров и теоретические разногласия внутри региональной номенклатуры (по материалам обсуждения проекта Устава КПСС) // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века: Материалы Интернет-конференции (ноябрь 2003 - март 2004 гг.). Пермь: ПГТУ, 2004. (1 п.л.).
6. Белоногов Ю.Г. Проблемы отношения партийного аппарата к общественным началам в партийной работе в 1960-е гг. // Сборник научных трудов аспирантов гуманитарного факультета. Пермь: ПГТУ, 2005. (0,5 п.л.).
7. Белоногов Ю.Г. Интересы крестьянства во внутриноменклатурной борьбе 1960-х годов // Астафьевские чтения. Современный мир и крестьянская Россия. Пермь: Издательство «Курсив», 2005. Вып. 3. (0,25 п.л.).
8. Белоногов Ю.Г. Ликвидация системы совнархозов: позиция региональной номенклатуры // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VII Всероссийской научной конференции, ноябрь 2005 г. В 2-х тт. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2005. Т. 1. (0,31 п.л.).
9. Белоногов Ю.Г. Актуальные проблемы изучения политики «стабильности кадров» региональной номенклатуры во второй половине 1960-х годов // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в ВУЗе, техникуме, школе: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции: В 3-х т. Пермь: ПГТУ, 2006. Т. 2. (0,18 п.л.).
10. Белоногов Ю.Г. Конфликты интересов внутри региональной номенклатуры 1960-х годов: к постановке проблемы // АНТРО: Анналы научной теории развития общества. Пермь: ПГТУ-ЗУИЭП, 2006. Вып. 2. (0,88 п.л.).

Подписано в печать 24.11.06. Формат 60X90/16.

Набор компьютерный. Тираж 100 экз.

Объем 1,0 уч.изд. п.л. Заказ № 525/2006.

Издательство

Пермского государственного технического университета

614600, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к.113

тел. (342) 219-80-33